

Светлана Бестужева-Лада

Серебро слов

Сборник стихов

Светлана Бестужева-Лада

Серебро слов

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Серебро слов / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские
решения»,

Юбилейный сборник избранных стихотворных произведений (стихи, поэмы,
венки сонетов) к пятидесятилетию поэтического творчества.

Содержание

Времена года	7
Февраль	7
Логика осени	8
Два голубя	9
Почти зимнее	10
Декабрь	11
Осенний этюд	12
Осень	13
А в августе...	14
Холодный май	15
Сентябрь	16
Зимняя весна	17
Духовность	18
Крещение	18
Молитва перед иконой «Взыскание погибших»	19
Молитва	20
Души	21
Душа	22
К Богоматери	23
Прощеное Воскресенье	24
Два ангела	25
Молитва в хрустальном доме	26
Небывалое	27
Графу де Ла Фер посвящается	27
Valse funebre, valse macabre*	28
Призраки	29
Три сестры	30
Не пророчица	31
Принцесса-звезда	32
Безбрежность	33
Спящая красавица	34
Встреча	35
Полурыцарский роман	36
Падший Ангел	37
Госпожа	38
Ведьма	39
Ассоль	40
Причуды	41
Круг памяти	42
Помни меня	42
Утренний кофе	43
Ex arena funiculum nectis ²	44
Упавшая звезда	45
Размышления о возрасте	46
Равнодушие	47
Грусть	48

Пока живу...	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Серебро слов

Сборник стихов

Светлана Бестужева-Лада

*Стихи мои – хранилища всех бед!
Они да дождь, – вот все друзья, навеки...
Как мне смириться с тем, что больше нет
Тебя со мной? Спалило горе веки,
Стянуло горло, губы обожгло,
И плачет и кричит о счастье мертвом.
Я бьюсь ночью бабочкой в стекло,
Давным-давно до крови сердце стерто.
Нет больше силы в путь идти одной, А память сердца буйствует
пожаром...
Все прошлое даровано тобой, И что мне делать с этим горьким
даром?*

© Светлана Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Времена года

Февраль

День проснулся и ежится зябко,
Предвесенний вкушая озноб.
Солнце светит, но как-то украдкой...
Депрессив? Или попросту смог?
Как бы праздник.
Ну, сколько же можно
Отмечать ряд сомнительных дат?
Все так сложно, условно, тревожно,
И никто в этом не виноват.
В полудреме душа цепенеет,
Не готовая встретить весну...
Я и с этим управлюсь. Сумею.
И удачу еще принесу.
Только примут ли эту удачу,
Нежеланный подарок?
Не плачь.
Ну, прошу тебя, стань снова зрячей,
Не тверди: «Мой прекрасный палач...»
Палачи – те же люди, поверь мне,
И сегодня им тоже – не мед.
Не рыдай перед запертой дверью.
Успокойся.
И это – пройдет.

Логика осени

Да, осень капризна, как женщина,
А значит, по жизни права...
Ей многое многим обещано,
Но ветер уносит слова,
Как листья, вчера зеленевшие...
Прости... не суди... не жалея...
У осени – логика женщины,
И это простибельно ей.

Два голубя

Два голубя воркуют и воркуют
За солнечною рамою окна...
Кто в этот раз послал весну такую,
Что ночью – до рассвета – не до сна?

Успела или все же – не успела
Сказать все то, о чем молчалось – век?
Успела или нет – не в этом дело,
Пока он длится – мой привычный бег.

Сама я избрала судьбу такую,
За все в ответе – только я сама...
Два голубя воркуют и воркуют
За солнечною рамою окна.

Почти зимнее

Кажется, вновь наступает зима,
Лед под ногами похрустывает...
Право, не повод сходить с ума,
Или – стихи писать грустные.

Рук не целуют – и это пустяк,
Лишь бы – не в спину ножом...
Впрочем, бывало и эдак и так.
Выжили. Живы. Живем.

Несколько нежных, приветливых строк,
Пара звонков телефонных...
Важно сберечь это на зиму, впрок,
Свечкой – в ночах бессонных.

Слышите? Справлюсь со стужей сама,
Только пишите, звоните...
Вот и опять наступила зима.
Сердце – не застудите.

Декабрь

Декабрь суров и много в нем примет:
Идут снега – весной польются слезы,
Пригреет солнце – летом холод ждет,
Придет мороз – в апреле будут грозы.

Капель? К беде.
Сосульки? Тоже к ней.
Вой ветра ночью? К горестной потере.
Метель, пурга? Незваных ждать гостей.
А оттепель?
Нет, не хочу, не верю!

Обычный месяц. Только ночь длинна,
А день мелькает – просто не заметить.
Ну что ж, зима на то и есть зима,
И почему ей быть за все в ответе?

Не будем так суровы к декабрю,
Не виноват же он, что стал последним
В году.
Упреки все – к календарю,
Ну, а приметы...
Вздор.
Пустые бредни.

Осенний этюд

А октябрь почти прошел,
Притворяясь зачем-то летом...
Листьям падать – так хорошо
Под ласкающим солнца светом.
С ними в вальсе одном кружить
Так хотелось бы...
Только вряд ли.
И придется зиму испытать,
Как печаль – до последней капли.
Впрочем, глупо винить календарь,
Ждать каких-то чудес напрасно...
Лучше все принимать как дар,
Неожиданный и прекрасный.
Осень жизни – еще не зима,
Да и разной бывает осень...
Так не стоит сходить с ума,
Все действительно очень просто.
Просто – листья танцуют вальс,
Вспоминая легко о лете.
Просто – я скучаю без Вас...
Как все просто на этом свете!

Осень

Уже дожди успели потушить
Багряный лес. Уже зима стучится
В окно крылом озябнувшей синицы...
И нет нужды, и нет причин спешить
На ту – несостоявшуюся – встречу.
Сметая листья в жестяной сугроб
Холодный ветер быстро студит лоб
И слишком крепко обнимает плечи...
Тоска предзимья – чем ее унять?
Холодный воздух разрядил дыханье,
Убив в груди малейшее желанье...
Мне даже тень желанья не догнать...
И – надо ли? Нет. Ухожу в ненастье,
В ту сторону, где даже пепел чист,
Чтоб обрести единственное счастье:
Лететь по ветру, как опавший лист.

А в августе...

А в августе – тридцать один день,
А в августе гуще становится тень
И утром вставать – лень.
А в августе – тридцать один раз
Не видеть – хоть издали! – Ваших глаз...
Целую – мысленно – Вас.
А в августе тридцать одно письмо
От Вас, как обычно, ко мне не пришло...
Как Вы замолчали давно...
А в августе – тридцать одна ночь,
И спать под луною – уже невмочь...
Примите – и проч.

Холодный май

*«Что ж, камин затоплю, буду пить,
Хорошо бы собаку купить...»*

И.А.Бунин

Какой холодный нынче выпал май!
Все дождь, да дождь...
Опять гулять по лужам?
Не хочется.
Да, в общем, и не нужно.
Вот затоплю камин... Почти что рай.

А пить не буду. В одиночку – глупо.
Позвать друзей?
Забились по углам,
Иль разбрелись по Интернету...
Нам
Дар дружбы нынче отпускают скупю.

Собаки нет. И покупать не стану.
Котенка бы... Чтобы мурлыкал тут.
Вот сладость быстротечная минут...
Почти – блаженство и почти – нирвана.

И все-таки какой холодный май!
В сугроб не превратиться б невзначай...

Сентябрь

Как мАстерски летом прикинулся
Сентябрь...
Но палитра листвы
Предательски выдала вирусы
Осенней простуды Москвы.

Еще листопад ожидает нас,
И дождь, и туман, и хандра...
Но небо пока улыбается:
«Еще не пора, не пора...»

Спасибо за долгую паузу,
Спасибо за лета глоток...
Спасибо, что нужно не сразу нам
Шагать за осенний порог.

Да, осень чуть-чуть отодвинулась,
Лишь раньше темнеет – увы!
Как мАстерски летом прикинулся
Сентябрь...
И как ласковы Вы.

Зимняя весна

Весна пришла не в марте, не в апреле,
А в самых первых числах января.
И точно тополиною метелью
Заметены листки календаря.
Все, все сбылось. Нежданно, как паденье,
И долгожданно – точно дождь весной.
Окончены мои ночные бдения,
А днем пою – не плачу...
Боже мой!
Надолго, нет ли – все покажет время,
Но все-таки наверное, не зря
Весна пришла не в марте, не в апреле,
А в самых первых числах января.

Духовность

Крещение

Серебряной парчой январь
К Крещенью землю устилает.
Перелистаем календарь:
Он нам морозы обещает,

И чистый снег на Иордань,
И пар над прорубью священной...
Когда коснется Бога длань
Благочестиво-дерзновенных,

Принявших в ледяной воде
Тепло Господнего покрова.
Влечет и взрослых, и детей,
К себе Христос.
И к Свету – снова.

Молитва перед иконой «Взыскание погибших»

*«Взыщи нас, погибающих, Пресвятая Дево, не по грехом бо нашим
наказуеши нас,
но по человеколюбию милуеши, избави нас от ада, болезни и нужды
и спаси нас».*

Спаси нас, погибающих, Царица
Небесная.
Спаси и сохрани.
Мы грешные – нам надлежит молиться,
И возжигать лампадные огни

Перед Твоей иконой чудотворной...
Услышь нас, Милосердная, спаси
От ада, от болезни непритворной,
От нищеты, от горя...
Дай нам сил

Достойно претерпеть любые скорби,
Исполниться смирения и добра.
И Матерь Божья кротким взором смотрит,
Как мы творим молитву – до утра.

Молитва

Боже, я каюсь: грешила не раз.
Ты милосердный, ты все понимаешь,
Чтобы не смели поднять грешных глаз.
Ты ДО греха нам грехи отпускаешь,

Боже, Спаситель, любви упаси —
Страшной земной и пленительной власти,
Я ведь извела этой напасти,
Сжался... Не дай ее снова вкусить.

Боже, зачем не даешь согрешить?
Тело забыло всю сладость порока,
Только... как дальше такую мне жить,
Так непорочно и так... одиноко?

Боже всеильный, помилуй меня!
Я не достойна прощения, знаю,
Тяжесть вины до конца понимаю,
Но огради от Того лишь огня.

Боже, в какие я сети попала,
Жизнь — как ни кинь — все равно западня.
Выхода нет, но и этого мало...
Непоправимо, смертельно устала...
Боже, зачем ты оставил меня?

Души

*«Бог не в урагане, не в землетрясении, не в огне, но в веянии тихого ветра»
(3 Царств 19:11).*

Слушай, слушай,
Наши души
Нас покинули давно.
Слушай, слушай,
Ветер глушит
Всё живое всё равно.
На круги своя вернувшись,
Ветер песню запоет,
«Всё проходит, всё пройдет...»
Допоёт – потом убьёт,
А пока – замри и слушай:
«Все проходит, все пройдёт...»
Наши слабенькие души
Ветер душит, ветер рушит,
Чтоб потом пустить в расход.
Не ропщи.
Терпи и слушай:
«Всё проходит, всё пройдет...»

Душа

Душа душе ни капли не должна,
Душа дотоль жива, доколь нужна
Другой душе – во всем ей равно-вечной...
Цепь равно-душья уз иных покрепче.
Затем, что – вне, затем, что – над и сверх
Всего мирского и живущих всех,
Не потому, а только вопреки.
Душа – движение духа, не руки,
Касанье – мысли, не касанье – уст.
Душа с душой – сплав равно-значных чувств.

К Богоматери

Матерь божия, не прогневись,
Как молиться тебе – не знаю,
Только в небо, в безбрежную высь
Не молитву – мольбу посылаю.

Матерь божия, помоги!
Просто – силы уже на исходе.
Впереди – не видно ни зги,
Солнце черное на небосводе.

Матерь божия, укрепи!
Отведи весь соблазн напрасный.
В храм давно не ходила – прости,
Дай заочное мне причастие.

Матерь божия, кто без греха?
Разве я больше всех грешила?
Только в горьких моих стихах,
Только в горе моем бессильном.

Матерь божия, исцели
Мою душу, пока еще жИва...
Если нет на земле любви,
То хоть ты яви свою милость!

Прощеное Воскресенье

Пушай меня простит моя семья
За то, что сил все меньше у меня.
Что не могу, как прежде, я мгновенно
Плечо подставить в трудное мгновенье.

Пушай меня простят друзья мои
За то, что суетливо мчатся дни,
Что разговоры суше и короче,
А встречи – рЕдки, как бы между прочим.

Пушай меня простят за все и те,
Кто где-то там, в безмерной высоте.
Я помню вас, по-прежнему люблю...
Простите – со слезами вас молю.

А я... Мне даже некого прощать.
Обидой на обиду отвечать
Грешно и глупо.
Пусть Господь простит,
А я прощаю все и всем.
Аминь.

Два ангела

За плечом – за правым – ангел белый,
Мой хранитель от беды и зла.
Он спасает душу, но не тело,
И при нем не так страшна мне мгла.

Но порой я вижу: ангел черный
Притаился слева...
Страшно с ним.
Он не демон, он не волк, не ворон,
Он – грехов моих тягчайший дым.

Белый ангел шепчет о прощенье,
Кротости, смиренье, доброте...
Черный ангел призывает к мщению,
Манит возвращением к мечте.

И порою, задохнувшись дымом
Едим, о защите я прошу:
«Ангел Божий, мой хранитель милый,
Даже в мыслях впредь не согрешу.

Защити от всех мирских соблазнов,
Дай вкусить покой и благодать...»

.....
Только ангел черный мне ни разу
Не позволил это вслух сказать.

Молитва в хрустальном доме

Очищу сердце от глухих скорбей,
Омою душу светлыми слезами,
И так спокойно я прощусь с друзьями,
Как отпускают в небо голубей.

Хрустальный дом сама себе построю,
Сама иконам дивным помолюсь...
Смирясь с судьбой, возрадуюсь покоем,
С любой утратой кротко примирюсь...

Звезда – на небе, сон – в ночной тиши,
А явь...
Мне остается лишь молиться...
Звезду в подушки прятать не спеши,
Иначе сон заветный не приснится.

Небывалое

Графу де Ла Фер посвящается

По благородству я истосковалась,
И черта мне в висящей на стене
Любимой шпаге...
Мало тех осталось,
Кто мог бы стать со мной спина к спине.

И все-таки...
Я слышу топот конский,
Ко мне спешат герои снов моих
Которые не ведают притворства,
Которые не предают своих.

Пусть говорят: все это небылицы.
Я точно знаю, кто всегда был прав...
Шуршат романа старого страницы,
Атос, я с Вами, мой прекрасный граф.

И Вы со мной – уже так много лет...
Примите же мой рыцарский обет.

Valse funebre, valse macabre*

Станцуем-ка мы не фокстрот и не танго,
Пусть музыка только найдет нужный тембр,
На вальс приглашают умело-галантно...
На *dance macabre*, на *marche funebre*.
Пускай виртуально, зато – ритуально.
Поклон, реверанс...
Точно в старом кино.
Мы *valse macabre* в чертоге хрустальном
Танцуем неспешно, танцуем давно.
Под вальс этот ночи не станут короче,
Оплакали вьюги постылый декабрь
Но *valse macabre* нас в февраль между прочим
Влечет за собою...
Как лодку река.
Не полька, не твист, не фокстрот и не танго
Уверенно всем показали пример...
И все-таки, правда, немножечко странно,
Что в душу запал этот *valse funebre*?

1

¹ **funebre* – похоронный, *macabre* – мрачный

Призраки

То ли день в году самый темный,
Не дает плечам распрямиться,
То ль луны затмением полным
Мы прибиты к земле – не отбиться.

И, привычно построивши фразу,
Замираю – не в поисках рифмы.
Сосчитать не сумею я сразу
Сколько было уже – этих рифов.

И мелькает Летучий Голландец
На страницах моих, точно призрак.
Странных выдумок пленник-скиталец
Не сумел отыскать свою пристань.

А теперь – так вовек невидим.
Только вздохи за запертой дверью...
Ты меня – никогда не увидишь,
Я тебе – никогда не поверю.

Три сестры

Целый день длится летняя сказка...
А вечер лиловый
Терпеливо и вкрадчиво снимет былые оковы.
Можно к самому небу душой, как рукой, прикоснуться,
И заснуть, и, приснившись кому-то, с улыбкой проснуться...
Это – странное время.
Мы должны пережить его как-то,
Точно в старой игре, открывая все новые карты.
И, встречая, как милость, капризы судьбы поминутно,
Козырного туза утаить – и открыть лишь под утро.
Козырного туза – бесконечное знойное лето,
Короля козырного – тот самый дар божий поэта,
И трех дам козырных, что приходят ко мне вновь и вновь,
Трех сестер неулыбчивых – Веру, Надежду, Любовь.

Не пророчица

Милый мой, я ведьма – не пророчица,
До Кассандры мне не дорасти...
Знаю, знаю: Вам безумно хочется
Заглянуть за поворот пути.

Но – увы! – помочь я Вам не в силах,
Сами, сами и... когда-нибудь.
Не просите же пророчеств, милый,
Сил осталось ведь совсем чуть-чуть.

Я могла приворожить удачу,
Порчу снять и порчу навести.
Но не нужно ставить мне задачи
Выше силы.
Просто – нету сил.

Может, и не ведьма уж...
Пророчица?
Нет такой тропы в судьбе моей...
Ведьма не боится одиночества
И – увы! – не может стать глупей.

Принцесса-звезда

Скажи мне, подруга, а если мой замок блистает
Холодными искрами мертвого, твердого льда?
Лет двести, должно быть, на ложе своем замерзая,
Я даже заплакать не в силах – такая беда!

Скажи мне, сестра, может быть, есть еще королевство
И принц в нем, который спасет и согреет меня?
Прорвется сквозь льдины, ко мне, той прекрасной невесте,
Которая верит в волшебную силу святого огня...

Ты знаешь, сестрица, и я стала жертвой колдуньи.
Приснится ль кому-нибудь мой зачарованный лик?
Кто пустится в путь – в темноту и пургу ледяную,
Чтоб к сердцу холодному сердцем приникнуть на миг?

О, если такое случится, мы встретимся, верю
В волшебном саду упоительных, сказочных снов...
Твой принц уже близко, ты слышишь? шаги возле двери!
А мой... Не придет еще много и много веков.

Когда ты проснешься, печаль мою людям поведай,
Пусть знают, что где-то на севере, в замке из льда,
В стране, где сливаются, сходятся суша и небо
Спит сном ледяным и бесстрастным принцесса-звезда.

Безбрежность

И нет ни берегов, ни дна
У темной медленной реки
Моей бессмысленной тоски,
Когда всю ночь лежу без сна.

И нет ни дна, ни берегов
У моря, где свистит Борей
О жизни прожитой моей,
Расшитой темной вязью слов.

И нет ни берегов, ни дна
У тех полуночных широт,
Куда течение несет,
Где я – однее всех одна.

Спящая красавица

Кто прочтет мое имя под льдом?
Кто отыщет мой сбившийся след?
Кто помчит на коне вороном
По дороге, которой уж нет?

Не ищи, не зови, не тоскуй.
Ты измучен, твой конь изнемог...
Не разбудит меня поцелуй,
Не разрушит хрустальный чертог.

Бедный принц мой, все сказки – обман,
Мы лишь призраки, тени в ночи...
Не тревожь затянувшихся ран,
Обо всем том, что было – молчи.

Встреча

Ты триста лет назад со мной расстался
Всего на день. А минули – века.
С кем только с той поры ты не встречался,
Как жизнь твоя бывала нелегка!
Меня искал во всех своих подругах,
Мои слова искал в устах других...
Ну вот, мы снова встретили друг друга,
А ты узнать не можешь глаз моих.
Три века срок немалый, понимаю,
Немудрено, что много ты забыл...
Нет, нет, тебя ни в чем не упрекаю.
Скажи лишь: без меня ты счастлив был?

Полурыцарский роман

Наш полурыцарский роман
Возник в пучине Интернета,
Но старомоден он при этом
Как отзвук миновавших драм.

Наш полурыцарский роман
Расцвечен рифмами двойными
И тем прекрасней он отныне,
Весь в блестках острых эпиграмм.

Наш полурыцарский роман
Пьянит вином воспоминаний...
Не сохнут губы от желаний
У тех, кто вдохновеньем пьян.

И день за днем мы в паутине
Ажурно вяжем кружева —
Рисуя дивную картину-
Наш полурыцарский роман.

Падший Ангел

Ты не бойся, мой милый, не надо,
Видишь, крылья совсем обгорели,
Я летала зачем-то над адом,
А там страшное пекло, поверь мне.
И глаза мне сожгло этим пеклом,
Плакать нынче смогу я едва ли,
Душу серым засыпало пеплом,
Сердце черные рвут мне печали.
Но не бойся.
Тебя обнимая,
Возрождаюсь я в прежнем обличье.
Ведь когда-то была и я – Ангел,
А теперь меня ведьмою кличут.

Госпожа

Был так долог Ваш путь, что очей не сомкнуть
Было мне пять бессонных ночей
Менестрели, турнир, и давно кончен пир,
И уже расседлали коней.

На дорогу смотрю и себе говорю:
«Он примчится, я знаю, я верю.
Он ведь знает, как жду и встречаю зарю
И как слушаю шорох у двери».

Внял Господь молчаливой молитве моей,
И я слышу Ваш зов за дверями:
«Я скакал пять ночей, не смыкая очей,
Госпожа моя, я перед Вами».

Ведьма

По булыжной мостовой ступая,
Глядя в бесконечный небосвод,
Женщина – такая молодая —
Точно к трону, шла на эшафот.

«Ведьма!» злобно ей толпа орала,
Впереди давно готов костер,
Но она людей не замечала,
Вспоминая жуткий приговор:

«Сжечь живьем. И пепла не оставить».
Ну, пусть жгут. Сгорит ведь только плоть.
К праху – прах, пускай.
Бессмертна память.
И души костру не побороть.

Кровью каждый шаг ее отмечен,
Но глаза бездонны и сухи.
Зря священник прямо в ухо шепчет:
«Исповедай, дочь моя, грехи,

И тогда они тебе простятся,
И шагнешь, очищенная, в рай...»
Ведьме ль ада пламени бояться?
Мимо губ – распятыя острый край.

По ступенькам – вверх. Глазами – выше.
И – уже из пламени: «Проща-а-а-й!».
Ахнула – от мостовой до крыши —
Площадь.
Но один в толпе – смолчал.

Ассоль

Как жаль, что нежные слова
Становятся морской солью...
Я слишком долго Вас ждала,
Вообразив себя Ассолью.

И до сих пор звенит прибой
В моих стихах неутоленных.
Вы – вечный странник, Вы – не мой,
Вот дар и кара всех влюбленных.

И эта алость парусов
Так гордо на ветру трепещет...
Увы, совсем я не Ассоль,
Я только лишь одна из женщин.

Причуды

Причуды странные родятся
В миг полу-ночи, полу-дня,
Над ними впору посмеяться...
Возьмите на руки меня!
Утешьте сказкой про царевну,
Про златогривого коня,
Что увезет ее из плена...
Возьмите на руки меня!
Быть взрослой – не хватает силы,
Ребячество мое кляня,
Исполните, о чем просила:
Возьмите на руки меня!

Круг памяти

Помни меня

Помни такую, какою была;
Нежной, капризной, усталой.
Что-то нас все же сводило с ума,
Что-то весна нам шептала...

Помни меня! Только помни меня!
Ласковой, любящей, злою,
В меркнувшем свете короткого дня,
Прожитом рядом с тобою.

Память – на память тебе, как кольцо...
Господи! только минуту!
Это – такое чужое – лицо
Было любимым, как будто?

В час расставания – взгляд за плечо
Жало пронзительной боли...
Только одно и осталось еще,
Просьба последняя. Волен

Все ты забыть. Только помни всегда
Глаз моих темных смятенье.
Помни меня! Пусть проходят года,
Воспоминанья не тлеют!

Помни меня, оставаясь один,
Помни врагом твоим... Впрочем...
Я не сумела стать другом твоим.
Значит...
И помнить не хочешь?

Утренний кофе

Только нынешним утром одна буду кофе я пить,
Как вчерашним, и позавчерашним, и поза... и поза...
Этот утренний кофе – незримая, тонкая нить
Между днем настоящим и прошлым.
Пустяк, а серьезно,
То, что нынешним утром одна буду кофе я пить.
А когда-то, в прошедшем столетье, в минувшей эпохе,
Просыпаясь, чуть свет, ускользая из спальни босая,
Чтоб одной насладиться той первой чашечкой кофе,
В полу-сне, полу-грезе вторую – вдвоем! – предвкушая...
Там, когда-то, в прошедшем столетье, в минувшей эпохе...
В том напитке был жар аравийской волшебной пустыни,
Счастье терпкое жизни дарил каждый новый глоток...
И казалось: так будет всегда, будет присно, вовек и поныне,
Никогда не наступит конец, не достигнет нас срок...
Ах, спалил счастье жар аравийской волшебной пустыни!
Жизнь летела стрелой, но всегда и всего было мало,
Подгоняла судьбу, все успеть я хотела сама...
Все сбылось.
Все пришло.
Все ушло навсегда.
И устало
Выпиваю сегодня свой утренний кофе одна...
Почему, почему мне всегда и всего было мало?

Ex arena funiculum nectis²

В песок сбивает ветер все мечты
И рушит замки из песка небрежно
Мы говорливы вплоть до немоты
И в грубости своей почти что нЕжны.

Кто ты, с кем я, кого терзает боль —
Пусть Гамлет отвечает на вопросы...
Не по плечу трагическая роль
Седеющим подросткам-переросткам.

Мы будем бредить клиником стихов
И называться с гордостью творцами...
Но все мечты приходят из песков,
И все слова заносятся песками.

² «Плетешь веревку из песка» – лат.

Упавшая звезда

Звезда упала с неба на ладонь,
Прожгла навывлет и у ног погасла...
У Бога ЭТУ ты просила боль?
Так наслаждайся этим жгучим счастьем.

Ах, звездопад! Желанья загадав,
Себя мы обрекаем на ранимость...
Нет кто-то был мучительно неправ,
Суля звезду нам с неба, точно милость.

Нельзя ловить звезду – она огонь,
Играть с огнем – занятие для беспечных...
Ах, звездопад! Зачем себе мы врем,
Что сможем удержать в ладони вечность?

Так больно... Сил нет даже закричать.
Окаменев, ослепнув от отчаяния,
Мы сохраняем на руке печать
Звезды упавшей...
Сбывшихся желаний.

Размышления о возрасте

Мы стали старше? Полная фигня!
Ну, разве что слегка отяжелели
И позволяем победить нас лени
Средь шумного и яростного дня.

Жизнь обломала? Не на тех напала!
А ссадины, ей-Богу же, не в счет!
Хоть ссадин и досталось нам немало...
Любая очень быстро заживет.

Мы просто стали здраво рассуждать,
Все чаще по течению плывем мы
И – мудрые! – переживаем волны,
Чтобы изведать штиля благодать.

Мы поделили – раз и навсегда —
Все области возможных конфронтаций
И уж давно не хочется нам драться
Из-за того, что в целом – ерунда.

Мы стали старше? Нет, благодаря
Самообману гибкости душевной,
Лишь стряхиваем лист с календаря
И не-по-ко-ле-би-мо хорошем!

Равнодушие

*«Я не хочу поднять тяжелых век,
Там те же звезды, в том же мраке стыннут».*
Владимир Смоленский

Бумагу привычно марая
Чернильной цепочкой следов,
Не видим ни близости к краю,
Ни страшной правдивости снов...

Не чувствуем: кровь ледяная
По венам лениво течет.
Мы ведаем?
Просто не знаем
Откуда начнется отсчет.

А звезды глядят равнодушно
С безмерной своей высоты,
На то, как нелепо и скучно
Дар жизни используешь ты.

Грусть

Приходит грусть, как старая подруга...
Заварим чай, покурим, помолчим,
Потом сонет иль стансы сочиним,
Печально поглядев в глаза друг другу.
Приходит грусть.
Незвано.
Без звонка.
Ведь у нее свои ключи...
Пока.

Пока живу...

Живу, как все. Не лучше и не хуже.
Пишу стихи – привыкла иль люблю?
Уже давным-давно никто не нужен,
Уже давно я даже не терплю,

А просто принимаю все, как данность,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.